

АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ ШКОЛА.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

отъ I до начала V вѣка по Р. Хр.

СОЧИНЕНІЕ

Василія Дмитревскаго.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1884.

По опредѣленію Совѣта Казанской Духовной Академіи, отъ
11 мая 1883 года, къ печатанію одобрено.

Секретарь Совѣта *М. Соловьевъ.*

Распространеніе какого бы то ни было ученія—религіознаго или философскаго—находится въ тѣсной связи со школою; школа является самою лучшею воспитательницею человѣка въ духѣ тѣхъ или другихъ религіозныхъ, или философскихъ началъ. И это понятно. Всякое ученіе при своемъ появленіи неизбѣжно встрѣчаетъ протестъ со стороны уже установившихся убѣжденій, мнѣній, привычекъ и т. д., отказаться отъ которыхъ бываетъ слишкомъ трудно и возможно только подъ условіемъ удаленія отъ вліянія стараго ученія и непосредственнаго и болѣе постояннаго и цѣлостнаго воздѣйствія новаго—къ волеу и стремится школа. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о христіанскомъ ученіи. Какъ ученіе, во многомъ не понятное древнему міру, требовавшее отъ древняго человѣка отреченія отъ всего того, что ему было дорого, на мѣсто эгоизма, составлявшаго основу жизни человѣка въ дохристіанскомъ мірѣ, поставлявшее полное отреченіе отъ него,—оно должно было казаться и дѣйствительно казалось въ началѣ своего распространенія іудеямъ сблудомъ и еллинамъ безуміемъ. А потому для своего проповѣданія въ сознаніе и жизнь людей требовало большихъ усилій со стороны проповѣдниковъ христіанства и болѣе постояннаго воздѣйствія на умы, сердца и волю людей, для чего вызывало настоятельную помощь школы. Такое важное значеніе школы въ дѣлѣ распространенія изъясненія христіанскаго ученія ясно сознавали первые проповѣдники христіанства. Самъ божественный Основатель христіанства главною задачею всей своей земной жизни и жизни своихъ учениковъ поставлялъ учительство и потому какъ Самъ въ

теченіе всей земной жизни главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы научить народъ истинѣ, такъ и Апостоламъ заповѣдалъ идти и научать всѣ народы (Мат. 28, 19) Вѣрные заповѣди своего Учителя, Апостолы цѣль своей жизни поставляли въ учительствѣ, выражаясь, что Богъ не послалъ ихъ крестить, но благовѣстити (1 Кор. 1. 17) и въ силу такого убѣжденія старались не только изъ каждой вновь основываемой ими церкви образовать училище христіанской вѣры и благочестія, но, собирая вокругъ себя кружокъ учениковъ, полагали начало школамъ. Понятное дѣло, что эти школы, при страннической жизни Апостоловъ, не могли быть постоянными въ одномъ мѣстѣ; вмѣстѣ съ переходомъ Учителя переселялись съ нимъ и его ученики изъ одного мѣста въ другое, какъ это наприм. извѣстно объ Апостолѣ Павлѣ, имѣвшемъ, по свидѣтельству его же посланій, постоянно вокругъ себя нѣсколько учениковъ—споспѣшниковъ. Но какъ скоро обстоятельства побуждали кого либо изъ Апостоловъ утвердиться въ одномъ мѣстѣ на продолжительное время, или даже до конца жизни, они тотчасъ въ этомъ мѣстѣ заводили постоянныя школы. Такъ, по свидѣтельству Евсевія ⁽¹⁾, Іоаннъ, избравшій своимъ мѣстопробываніемъ Ефесъ, основалъ здѣсь духовное училище; а по свидѣтельству того же Евсевія и Іеронима, ев. Маркъ основалъ училище христіанское въ Александріи ⁽²⁾. Преемники апостоловъ, какъ поставленные къ той или другой церкви, и слѣдов. получившіе прочную осѣдлость, слѣдуя примѣру І. Христа и апостоловъ и понимая всю важность школы, старались вездѣ, какъ только позволяли обстоятельства, заводить духовныя школы; какъ это наприм. извѣстно изъ примѣра Поликарпа Смирнскаго ⁽³⁾, а еще болѣе подтверждается послѣдующими постановленіями соборовъ, вмѣнявшихъ каждому епископу въ обязанность имѣть при своей кафедрѣ школу ⁽⁴⁾. Главною задачею этихъ школъ перво-

⁽¹⁾ Евс. церк. Истор. кн. 3. гл. 23.

⁽²⁾ Ibid. кн. 2, гл. 16 и кн. 5, гл. 10; Іерон. въ Катах. церк. писат. гл. 36.

⁽³⁾ Евс. Истор. кн. 4, гл. 14 и 15.

⁽⁴⁾ Антиох. собора.

начально было приготовленіе достойныхъ пастырей церкви; но вскорѣ къ этой цѣли присоединилась и другая—оглашеніе желающихъ принять христіанство. Причиною такого усложненія задачъ школъ христіанскихъ было съ одной стороны отпаденіе нѣкоторыхъ христіанъ отъ вѣры во время гоненій вслѣдствіе слабости вѣры, а съ другой—желаніе предохранить христіанъ слабыхъ въ вѣрѣ отъ вліянія враждебныхъ христіанству ученій. Вслѣдствіе такого увеличенія задачъ школъ и самыя эти школы опредѣлялся самими ихъ названіемъ. Во всѣхъ нихъ христіанское ученіе излагалось и раскрывалось съ положительной стороны—для только что вступающихъ въ церковь христіанскую въ краткомъ видѣ, для готовящихся же къ пастырскому служенію въ болѣе обширномъ.

Много было подобныхъ школъ въ христіанской церкви, но надъ всѣми ими возвышается школа Александрійская и по своей древности и по своему значенію въ исторіи христіанской церкви и науки. Значеніе этой школы для христіанства признается всѣми историками и писателями, почему либо касавшимися этой школы, хотя большинство ихъ и старается ограничить это значеніе только періодомъ трехъ учителей школы Пантена, Климента и Оригена, только въ двухъ или трехъ словахъ говоря о первоначальной исторіи этой школы и о послѣдующемъ за Оригеномъ періодѣ ея существованія, съ чѣмъ, конечно, нельзя согласиться. И дѣйствительно, значеніе Александрійской школы въ исторіи христіанской церкви и просвѣщенія такъ велико и очевидно, что нѣтъ никакой возможности отвергать его. Въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ эта школа стояла во главѣ христіанской науки и своимъ вліяніемъ обнимала не только частныя церкви, но весь Востокъ, а отчасти и Западъ. Такое важное значеніе этой школы побуждало и въ прежнее время и особенно въ новѣйшее писателей церковныхъ и даже свѣтскихъ, занимающихся исторіею первыхъ вѣковъ христіанства (*), обращать особенное вниманіе на эту школу, изучать

(*) Таковы: Еиселій, Ватро, Герике, Гассельбахъ, Прессансе, Фреппель, Винценци, Реденшингъ и особенно Тубиценцы.

подлинныя творенія наставниковъ школы и опредѣлять задачи и направленіе самой школы. Но не смотря на это, не смотря на множество монографій и статей объ отдѣльныхъ личностяхъ, принадлежавшихъ къ школѣ, не смотря на всѣ изслѣдованія о школѣ, Александрійская школа, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—особенно въ вопросѣ объ отношеніи школы къ предъидущимъ направленіямъ и ученіямъ—остается еще загадкою, разрѣшить которую еще не успѣла исторія ⁽⁶⁾. Отчего же завнестъ такое противорѣчіе между теоріею и практикою, между желаніемъ изслѣдовать исторію Александрійской школы и плохимъ выполненіемъ этого желанія? Причина этого явленія, конечно, отчасти заключается въ недостаточной разработкѣ матеріаловъ, касающихся исторіи христіанства первыхъ вѣковъ вообще и исторіи Александрійской христіанской школы въ частности. Дѣло въ томъ, что самыя сочиненія наставниковъ Александрійскаго училища въ своемъ полномъ составѣ начали издаваться только въ новѣйшее время и притомъ такъ не исправно, что часто на ряду съ подлинными издавались и подложныя, часто издавались въ неправильныхъ переводахъ, такъ что трудно было уловить въ этихъ сочиненіяхъ истинный смыслъ ⁽⁷⁾, тѣмъ болѣе трудно, что свѣдѣнія, дошедшія до насъ отъ древности о первыхъ трехъ вѣкахъ христіанской церкви вообще, не отличаются обиліемъ и полнотою, а многія даже и со всѣмъ утрачены. Но главную причину такого положенія дѣла служить, по нашему мнѣнію, предвзятый взглядъ на ученіе Александрійской школы, съ какимъ приступаютъ къ изслѣдованію исторіи этой школы ученые и историки, взглядъ, при которомъ не возможно без-

⁽⁶⁾ Въ вышедшемъ въ 1879 г. сочиненіи г. Болот. «ученіе Оригена о Пр. Троицѣ», установленіе такой связи представляется даже невозможнымъ.

⁽⁷⁾ Творенія напр. Климентъ въ первый разъ были изданы въ 1550 г. во Флоренціи и потомъ, хотя выдержали болѣе 40 издан. на греч. и лат. яз., однако и до сего времени содержатъ много неяснаго. Thom. Illig in praefat. Supplem. opus. Clem Alex. и въ bibl. p. 157, у Иванцова—въ ересяхъ и расколахъ, а сочиненіе Оригена о началахъ даже и не сохранилось въ подлинникѣ, а въ неправильномъ латинскомъ переводѣ Руффина, а много сочиненій утрачено, также какъ многія сочиненія Павлена, Иракли, Ахилла и др.

пристрастное отношеніе къ дѣлу. Такъ протестанты, держащіеся рационалистическаго взгляда на происхожденіе самаго христіанства, взгляда, по которому христіанство не есть какая либо новая религія, а только религія содержащая въ себѣ собраніе религіозно-нравственныхъ идей, существовавшихъ въ различныхъ философскихъ системахъ и религіяхъ древняго міра, только очищенныхъ отъ примѣси и вымысловъ человѣческой фантазіи (*), видятъ въ Александрійской школѣ не болѣе какъ подражаніе языческимъ философскимъ школамъ того времени, а въ ея ученіи соединеніе въ одно цѣлое и развитіе до высшей степени религіозно-нравственныхъ идей, заимствованныхъ изъ различныхъ философскихъ системъ того времени и изъ теософическихъ воззрѣній какъ древнихъ, такъ и современныхъ школъ языческихъ и іудейскаго народа (**). Напротивъ католическіе ученые, пользующіеся сочиненіями учителей этой школы въ латинскомъ переводѣ, по большей части испорченными, стараются во что бы то ни стало оправдать Александрійскую школу отъ всякихъ обвиненій и въ неправославіи и представить ее, какъ хранительницу и учительницу христіанскаго ученія во всей его чистотѣ и полнотѣ, встрѣчающіяся же въ сочиненіяхъ александрійскихъ ученыхъ мысли неправославныя приписываютъ или переписчикамъ, или еретикамъ (***). При такомъ одностороннемъ взглядѣ

(*) Такой взглядъ разнашается особенно Тюбингенцами. Положительной религіи, по ихъ мнѣнію, какъ античнаго единоратнаго откровенія безусловной истины, въ противоположность религіи естественной, нѣтъ. Есть только формы, степени развивающагося религіознаго сознанія въ человѣческомъ духѣ отъ низшихъ до высшихъ. Real-Encyclopaedie Gerzog. подъ слов. Straus-Leben Jesu.

(**) Roesler — въ его Bibliothèque des pères т. I, стр. 132 — говоритъ: школа святыхъ словесъ очень часто была уважаема за новыя идеи. Чтобы устранить такое мнѣніе и дать болѣе сообразное съ истинною, слѣдуетъ только первоначально изучить VI книгу исторіи Кассіана.

(***) Таковы: Lushper, оправдывающій Климента — въ исторіи критической т. 1 и 5 и даже православный о. Гелле въ своей церковной исторіи т. 2. Многие изъ католическихъ богослововъ даже находятъ въ сочиненіяхъ александрійскихъ ученыхъ мѣста въ подтвержденіе неправильныхъ мнѣній католической церкви — Lushper напр. объ огнѣ чистилищномъ у Климента и др. у Востока. объ отношеніи катол. къ православію.

на дѣло, очевидно, невозможно правильное понятіе о школѣ, ея задачахъ, цѣляхъ и характерѣ. Поэтому чтобы правильно оцѣнить заслуги Александрійской школы для христіанства, понять ея значеніе и задачи, нужно избѣгать односторонности, а для сего неизбѣжно необходимо установить такую точку зрѣнія, съ которой можно бы было беспристрастно изложить исторію этой школы. Такою точкою опоры можетъ, по нашему мнѣнію, служить взглядъ на эту школу православной церкви. Этотъ взглядъ выразился въ признаніи Климента и Оригена только учителями, а не отцами церкви, и равно чуждъ, какъ раціонализма протестантовъ, такъ и излишняго пристрастія католиковъ. Принявши этотъ взглядъ православной церкви на Александрійскую школу за исходную точку зрѣнія, мы и постараемся изложить ея исторію. Какова эта исторія, — это покажетъ беспристрастное разсмотрѣніе матеріала — источниковъ и пособій, касающихся Александрійской школы (а).

Не много дошло до насъ свѣдѣній о первоначальной судьбѣ Александрійской школы. Они ограничиваются только свидѣтельствами и при томъ слишкомъ краткими Евсевія и Иеронима. Оба писателя согласно утверждаютъ, что начало Александрійской школы относится ко временамъ проповѣди въ Александрію ев. Марка, котораго и считаютъ, по дошедшему до нихъ преданію, основателемъ этой школы. Передавая краткія свѣдѣнія о жизни Пантена, Евсевій⁽¹⁾ замѣчаетъ: „около того времени, т. е. времени пришествія въ Александрію и вступленія въ должность наставника Александрійской школы Пантена, — въ этомъ городѣ существовала школа святыхъ словесъ отъ древнихъ временъ —“

(а) Источниками и пособиями для настоящаго сочиненія служили: сочиненія Климента, Оригена, Св. Афанасія, Вас. В., Грег. Бог., Грег. Нисск., Блаж. Иеронима, Кирилла, цер. истор. Евсевія, Сократа, Теодорита, Готта, Гассе, Moller-a *Essai historique sur l'ecole Alexandrie*, Neander-a — *Allgemeine Geschichte 1. — Die Alexandrinische Schul.* Freppel-a, о св. писат. 1 и 2 тт. Прессанса, Lumper-a *historia theologica critica* ч. 4 и 5, соч. г. Лояг. о заслугахъ св. Афанасія въ борьбѣ съ аrianствомъ, г. Снегирева о лицѣ І. Хр., г. Гусева ересь Антиринитаріевъ, Malter-a истор. гностицизма въ 2 т. Фил. отцовъ и учит. цер. Скворцова, Ritter-a истор. фил. и ст. въ дух. журн. — дух. вѣсти и др.

(1) Евс. церк. истор. кн. 5, гл. 10.

δοχαίς, которая была управляема мужами знаменитыми, какъ по краснорѣчію, такъ и по изученію св. писанія. Очевидно такое свидѣтельство Евсевія не даетъ еще права заключать объ основаніи училища Александрійскаго ев. Маркомъ; но, сопоставляя его съ другимъ свидѣтельствомъ того же Евсевія, гдѣ онъ замѣчаетъ, что ев. Маркъ первый проповѣдывалъ въ Александріи и въ самомъ городѣ основалъ церковь, и что такое множество мужчинъ и женщинъ присоединилось ко Христу, что вѣра наполнила весь городъ ⁽¹²⁾ и съ свидѣтельствомъ Иеронима, бывшаго ученикомъ Александрійскаго училища и потому заслуживающаго полнаго довѣрія, который прямо и ясно свидѣтельствуется, что въ Александріи отъ временъ ев. Марка были всегда церковные учепые ⁽¹³⁾, мы можемъ съ достовѣрностію утвердить, что Александрійская школа была основана ев. Маркомъ, проповѣдывавшимъ евангеліе въ Александріи около 60 г. по Р. Хр. Вѣроятность и даже достовѣрность такого заключенія вытекаетъ и изъ простыхъ соображеній. Невѣроятнымъ представляется то обстоятельство, чтобы ев. Маркъ, обратившій въ Александріи ко Христу такое множество мужей и женъ, что вѣра наполнила весь городъ и онъ вынужденъ былъ основать въ Александріи отдѣльную самостоятельную церковь, не позаботился объ устройствѣ христіанской школы въ такомъ городѣ, какъ Александрія, городъ, въ которомъ уже въ его время процвѣтала ученость язычниковъ и іудеевъ и въ которомъ слѣдов. христіанству угрожала наибольшая опасность. При томъ извѣстно намъ изъ примѣра Апостоловъ и ихъ ближайшихъ преемниковъ, что проповѣдники евангелія всюду первымъ дѣломъ своимъ поставляли устройство школъ. Итакъ, на основаніи всего вышеизложеннаго мы можемъ утверждать, что ев. Маркъ былъ основателемъ Александрійскаго огласительнаго училища. Какой же былъ первоначальный строй этой школы и какія были ея задачи? Ни Евсевій, ни другіе писатели церковные не говорятъ намъ ничего объ этомъ предметѣ и только по намекамъ мы можемъ судить обо всемъ этомъ. Евсевій, говоря объ Александрійской школѣ, называетъ ее „катехизи-

⁽¹²⁾ Ibid. кн. 11, гл. 16.

⁽¹³⁾ In catalog церк. писат. гл. 36.

ческою", или школою святыхъ словесъ. Изъ этихъ названій уже отчасти можно судить о первоначальномъ типѣ Александрійскаго училища. Задачею школы было, судя по этому свидѣтельству, съ одной стороны приготовленіе оглашенныхъ къ вступленію въ церковь Христову, а съ другой — изученіе св. писанія и христіанскаго ученія на основанія писанія, съ цѣлю, конечно, между прочимъ, и приготовленія будущихъ пастырей церкви. Къ такому заключенію приводитъ насъ то простое соображеніе, что всѣ христіанскія школы имѣли такой характеръ и Александрійская школа не была, конечно, въ этомъ случаѣ исключеніемъ; за это ручается намъ молчаніе древнихъ историковъ и писателей, которые не преминули бы выставить на видъ исключительный характеръ школы, если бы онъ былъ такимъ. Да и по самому существу дѣла школа не могла имѣть другаго характера въ первое время своего существованія, потому что жизнь и сознаніе еще не предъявляли школѣ другихъ требованій, кромѣ наученія основнымъ истинамъ христіанской вѣры оглашенныхъ и приготовленія достойныхъ служителей церкви. Невозможно было, наконецъ, выполненіе болѣе широкихъ задачъ для школы и по самой внѣшней ея организаціи и положенію христіанства, какъ религіи гонимой. До времени Пантена, какъ можно заключить изъ молчанія объ этомъ Евсевія, Александрійская школа даже не имѣла отдѣльнаго наставника и его мѣста занималъ епископъ. Занятый многочисленными обязанностями, епископъ, конечно, не могъ ни назначать опредѣленнаго времени для обученія въ школѣ, ни вести преподаваніе по опредѣленному плану и уставу; а положеніе христіанства среди язычниковъ и іудеевъ, не могшихъ равнодушно смотрѣть на распространеніе, несогласнаго съ ихъ ученіемъ, ученія препятствовало даже назначать опредѣленное мѣсто для школы. Поэтому епископы занимались обученіемъ, когда было имъ возможно и гдѣ удобно и, по всей вѣроятности, такимъ мѣстомъ обученія были тѣ дома, въ которые вѣрующіе собирались на молитву и мѣста богослуженія, а временемъ обученія было время богослуженія. Только въ послѣдствіи времени, въ 3-мъ вѣкѣ, когда христіане, въ промежутки гоненій, получили возможность строить храмы, — христіанская школа въ Александріи помѣщалась въ крещальнѣ около храма. Но и здѣсь часто случалось, что и учитель и ученики, при нападеніи язык-

никовъ, во избѣжаніе опасности, должны были переходить съ одного мѣста на другое, изъ одного дома въ другой и школа такимъ образомъ была подвижною. Тѣмъ болѣе такой характеръ она должна была имѣть въ первое время существованія, когда гоненіе на христіанъ было постоянное и жестокое. Таковъ былъ первоначальный строй Александрійской школы! Но это не могло продолжаться долго. Въ первое время существованія христіанства, когда христіанская вѣра держалась преимущественно на почвѣ совѣсти и жизни, христіанское ученіе, какъ и ученіе всякой другой религіи, могло дѣйствовать на чувства, увлекая его въ послушаніе вѣры, но, по тѣсной, гармонической связи силъ человѣческаго духа, мыслящій духъ не могъ безучастно относиться къ вѣрующему сердцу; рано или поздно онъ непременно долженъ былъ взглянуть на полученное въ непосредственной вѣрѣ религіозное содержаніе и постараться выяснитъ его себѣ, т. е. представить его въ болѣе или менѣе стройномъ, крѣпкомъ и отчетливомъ сочетаніи понятій. Къ этому же разумному усвоенію христіанства располагала и непрерывная борьба съ іудеями и язычниками, потомъ съ еретиками, — борьба, начавшаяся съ самаго перваго момента появленія христіанства. Эта борьба, развивая религіозное сознаніе вѣрующихъ, давала болѣе образованнымъ вѣрнымъ чувствовать необходимость въ живомъ размышленіи о вѣрѣ и давать себѣ въ ней разумный отчетъ. Такимъ образомъ разсужденіе о вѣрѣ и изслѣдованіе основаній, а отсюда и образованіе богословской науки являлось насущною потребностію по самому существу дѣла. И если гдѣ подобная постановка дѣла имѣла мѣсто, то именно въ Александріи по самому ея положенію. Расположенная почти въ центрѣ всего міра, имѣвшая со всѣмъ міромъ самыя удобныя пути сообщенія, Александрія уже при жизни ея основателя Александра Великаго достигла значительной степени процвѣтанія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ научномъ отношеніяхъ. Но еще болѣе благосостояніе этого города увеличилось со времени паденія Аѳинъ и Греціи — этого разсадника наукъ и искусствъ и представителя древней морской торговли. Благодаря покровительству своихъ царей, унаследовавшихъ отъ Александра Великаго любовь къ просвѣщенію, Александрія, при ихъ просвѣщенномъ содѣйствіи и при увеличеніи матеріальнаго благосостоянія, вскорѣ обратилась

въ центръ просвѣщенія всего міра. Сюда изъ всѣхъ странъ міра собирали книги и манускрипты, такъ что ко времени появленія христіанства въ Александрію было собрано все, что было драгоцѣннаго въ ученomъ мірѣ; два книгохранилища ея — музей и серапій съ трудомъ могли вмѣщать въ себѣ драгоцѣнности ученаго міра, а эти книгохранилища по объему были таковы, что помрачали собою дворцы и храмы⁽¹⁴⁾. Такая библіотека, подобной которой нельзя было найти нигдѣ и которая была хранительницею книгъ и манускриптовъ, считавшихся библіографическою рѣдкостію, естественно привлекала въ Александрію всевозможныхъ ученыхъ, желавшихъ пользоваться научными пособиями ея: здѣсь былъ и римскій и греческій философъ, неимѣвшій ничего, кромѣ философской мантии и искавшій единственно мудрости; сюда стремились и іудейскіе ученые, чтобы пользоваться здѣсь своими священными книгами на употребительномъ въ то время греческомъ языкѣ, здѣсь же можно было встрѣтить и восточныхъ мудрецовъ — теософовъ, которые на своей родинѣ не могли удовлетвориться скуднымъ умственнымъ матеріаломъ. Всѣ эти ученые, помѣщаясь другъ подле друга, мало по малу начали образовывать свои школы, въ которыхъ, смотря по личности основателя, преобладалъ тотъ или другой философскій, или религіозный элементъ. Такимъ образомъ въ Александріи ко времени появленія христіанства появилось почти столько же школъ, сколько было различныхъ направленій. Понятно, что всѣ эти направленія, перепутываясь между собою, должны были вступить между собою въ борьбу съ одной стороны и неизбежно заимствовать нѣчто другъ у друга — съ другой. Появился такимъ образомъ въ Александріи эклектизмъ и синкретизмъ, въ которомъ философскія ученія перемѣшивались съ воззрѣніями іудейскими и теософіями востока, — синкретизмъ, признававшій впрочемъ надъ собою безусловный авторитетъ Платона, философія котораго, по своему идеалистическому направленію, могла удобнo гармонировать съ спекулятивно-мистическимъ направленіемъ александрійцевъ. Но надъ всѣми, существовавшими въ Александріи, направленіями возвышались два, изъ

(14) Matter, Essai historique sur l'école d'Alexandrie p. 1 в Преецанс объ Оригенѣ.

которыхъ въ одномъ преобладалъ философско-языческій элементъ, а въ другомъ — философско-іудейскій. Эти направленія давали тонъ всѣмъ остальнымъ философско-теософическимъ ученіямъ. Представителемъ перваго направленія былъ неоплатонизмъ, представителемъ втораго — филонизмъ.

Въ началѣ христіанской эры философія, стремясь къ синкретизму и эклектизму, потеряла всякую способность различенія и стала находить одну и ту же истину во всѣхъ системахъ и ученіяхъ. Истощенная построеніемъ такого множества системъ и доведенная до скудныхъ трудовъ истолкованія древнихъ философскихъ произведеній, она все болѣе и болѣе стремилась къ оживленію путемъ эклектизма. Послѣ неудачныхъ попытокъ согласить Пифагора, Платона, Аристотеля, Зенона, Эпикура и создать изъ этой смѣси систему, которая имѣла бы, по крайней мѣрѣ, видъ чего-то новаго, философія почувствовала, что ей недостаетъ чего то болѣе существеннаго, недостаетъ всеоживляющаго духа ⁽¹⁵⁾. И вотъ философскій духъ началъ искать новыхъ матеріаловъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ. Людямъ наскучила холодно-разсудочная система Пиррона, недававшая никакого утѣшенія въ горести и матеріалистически-чувственная система Эпикура, приковывавшая человека къ землѣ; у нихъ пробудилась жажда сердечныхъ вѣрованій, жажда духовности, стремленіе возстановить прерванный союзъ между небомъ и землею и вознестись къ созерцанію міра идеальнаго, который совершенно затемнила для нихъ философія послѣдняго времени, — появилась реакція усилившемуся матеріализму, какъ неизбежное явленіе во время крайности ⁽¹⁶⁾. Однихъ изъ такихъ людей это стремленіе къ идеальному и небесному приводило къ животворному источнику христіанства; другіе, напротивъ, считая христіанство религіею недостойною разумаго человека, обратились къ другому источнику, изъ котораго черпали и предыдущіе философы идеалистическаго направленія — къ мистическимъ знаніямъ и теософіямъ восточныхъ іерофантовъ ⁽¹⁷⁾. Здѣсь, въ теософи-

⁽¹⁵⁾ Ritter, Geschichte d. philosophie 1—4.

⁽¹⁶⁾ Wacherot: historique critique de l'école d'Alexandrie t. I p. 341.

⁽¹⁷⁾ Etienne Chastel de la destruction du paganisme dans l'Empire d'orient p. 103.

ческихъ системахъ Индіи, Халдеи, Египта и у Александрійскихъ іудеевъ - каббалистовъ, они старались отыскать новый духъ для своихъ системъ, и на чисто греческой подкладкѣ, — системахъ: Фалеса, Анаксагора, Пифагора, Платона, Аристотеля, Зенона (¹²), создать новую систему оригинальную, въ которой впрочемъ только и новаго, что чрезмѣрный идеализмъ и философскій мистицизмъ. Самымъ лучшимъ орудіемъ для примиренія подобной синкретической философіи съ вѣрованіями востока могла служить идеальная система Платона, которая связывается непосредственною цѣпью съ мифологическою древностію, восходя до преданій орфическихъ и таинственныхъ мистерій. Естественнымъ послѣдствіемъ такой связи философіи съ вѣрованіями востока было появленіе неоплатонизма. Въ основу своей системы неоплатонизмъ положилъ восточный дуализмъ. Изъ единой, или безконечной, недовѣдомой, безусловно простой божественной субстанции, по его ученію, происходитъ первоначальный умъ, субстанція простая въ себѣ, но многообразная въ отношеніи къ міру, поколику заключаетъ въ себѣ вѣчные типы всѣхъ вещей; затѣмъ, такъ какъ переходъ отъ этого начала къ міру существъ дѣйствительныхъ былъ все же далекъ, неоплатоники произвели изъ ума душу, такое начало, которое, составляя переходъ отъ міра умственного, или идеальнаго къ міру дѣйствительному, или реальному, образуетъ, вмѣстѣ съ единымъ и умомъ, божественную Троицу, поколику эти три начала выражаютъ собою полноту бытія, мысли и жизни. Изъ души, далѣе, произошелъ весь рядъ существъ духовныхъ, — посредствующихъ боговъ — демоны, герои, души и рядъ существъ подлежащихъ чувствамъ. Совершенство этихъ существъ уменьшается по мѣрѣ удаленія ихъ отъ первоисточника и въ этомъ причина зла въ мірѣ. Поелику же послѣдняя и самая низшая ступень бытія есть матерія, то она и есть источникъ зла. Душа человѣка, будучи тождественною съ божествомъ по природѣ, не изъята отъ зла по силѣ соединенія съ тѣломъ. Слѣдовательно, единственное средство спасенія человѣка заключается съ одной стороны въ умерщвленіи плоти чрезъ воздержаніе и подвиги, а съ другой — въ возвышеніи самой души до Единаго, чрезъ со-

(¹²) Ritter выше, Etienne Chastel p. 104 и 105.

зерцаніе и восхищеніе — для тѣснѣйшаго съ нимъ соединенія. Очевидно, что такая философія имѣетъ много пунктовъ, соприкасающихся съ политеизмомъ и это-то и служило исходнымъ пунктомъ соединенія ея съ язычествомъ. Поставивъ верховное Существо на недоступную высоту, неоплатоники не могли указать прямаго отношенія между Богомъ и міромъ. Какъ же произвести этотъ послѣдній, когда Богъ по природѣ своей не можетъ имѣть никакого непосредственнаго соприкосновенія съ міромъ матеріальнымъ. Для объясненія происхожденія послѣдняго неоплатоники придумали цѣлую градацію существъ божественныхъ, низшихъ, которые въ постепенномъ удаленіи отъ первоисточника своего теряютъ часть своихъ божественныхъ совершенствъ и приближаются все болѣе и болѣе къ матеріи, являются: умъ, душа, демоны, герои, души и наконецъ міръ матеріальный. Очевидно, что всѣ эти божественныя существа очень удобно сопоставить съ богами политеизма. Крімъ того: душа человѣческая, по своей природѣ и способностямъ, соприкасается со всѣми ступенями міра божественнаго: съ верховнымъ богомъ — посредствомъ экстаза, посредствомъ чистаго мышленія — съ умомъ; какъ часть міровой души — премірной — съ диміургомъ; воображеніемъ — съ гевіями, душами и демонами. Здѣсь опять ближайшее соприкосновеніе съ язычествомъ. Наконецъ, неумѣренный мистицизмъ прямо располагалъ неоплатониковъ къ теургіи и магіи, а отсюда былъ ближайшій шагъ къ языческому суевѣрію. Такимъ образомъ неоплатонизмъ, соединившись съ политеизмомъ, совмѣщалъ въ себѣ всю сумму философско-языческаго знанія и вѣдѣнія и чрезъ то являлся представителемъ всего философско-языческаго міра.

Другое направленіе, имѣвшее большое вліяніе на міросозерцаніе alexandрійскихъ ученыхъ, стоявшее въ связи съ первымъ, хотя и отличавшееся отъ него по своему источнику, было, какъ сказано выше, іудейское, или, лучше, іудейско-философское — филионизмъ ⁽¹⁹⁾. Извѣстно, что предъ наступленіемъ христіанской эры въ Александріи находилось

⁽¹⁹⁾ Подр. о неоплатонизмѣ и филионизмѣ см. у Снегирева: о лицѣ І. Хр., у Гусева — ересь Антитриитаріевъ, ст. Христіанство и Неоплатонизмъ, журн. мин. нар. просв. и XLII, Bitter-a: истор. фил. т. 4 и др.